

Часть II.

Психо-Неврологический Институт.

СТАТЬЯ.

**«ЗАДАЧИ ПСИХО-НЕВРОЛОГИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА» – РЕЧЬ, СКАЗАННАЯ**

**В.М. БЕХТЕРЕВЫМ ПРИ ОТКРЫТИИ КУРСОВ
ИНСТИТУТА 3 ФЕВРАЛЯ 1908 г.**

/Вестник Знания, 1908. – № 3. – С. 3-19.

Отдельный оттиск № 2125, СПб., 1908.

Мм. гг. Официальное начало тому учреждению, которое именуется Психо-Неврологическим Институтом, положено 9 июня 1907 года, когда последовало высочайшее утверждение устава этого учреждения. Но первоначальные предположения о создании этого учреждения относятся еще к 1903 году. Они были высказаны мной членам Русского общества нормальной и патологической психологии и затем я сделал доклад тому же Обществу (1), которое, встретив сочувственно эти предложения, дало возможность путем образования особого организационного комитета выработать соответственный устав и одобрило мысль о собрании средств на создание Психо-Неврологического Института.

Вскоре последовало крупное пожертвование со стороны семьи Алафузовых, которое оказало существенную помощь в дальнейшем развитии вопроса о создании Психо-Неврологического Института и дало первое материальное обоснование Институту, содействовавшее и скорейшему проведению его устава.

По § 1 этого устава Психо-Неврологический Институт есть ученое и высшее учебное заведение, имеющее целью разработку и распространение знаний в области психологии и неврологии, а также сопредельных с ними наук.

Как ученое учреждение, Психо-Неврологический Институт получил право иметь ученые собрания, посвящаемые научным вопросам и устраивать съезды ученых по вопросам, входящим в круг ведения Института. С другой стороны, как высшему учебному заведению, Психо-Неврологическому Институту предоставлено право, согласно § 2 его устава, вести курсы по предметам, входящим в круг ведения его наук. Для популяризации же знаний, согласно § 6 устава, Институту, предоставлено право открывать публичные лекции, которые с разрешения Совета Института могут быть организуемы и вне С.-Петербурга по программам, выработанным Советом Института.

Как можно видеть отсюда, Психо-Неврологическому Институту предоставлены широкие полномочия и как ученому, и как высшему учебному учреждению, и как учреждению, призванному популяризировать знания. Само, собою разумеется, что развитие всей программы Института может быть приведено в исполнение лишь постепенно вместе с завершением внутренней организации Совета Института и с развитием денежных средств Института, обеспечивающих устройство и содержание его учено-вспомогательных учреждений.

До настоящего времени Психо-Неврологический Институт был занят своей внутренней организацией, т. е. пополнением состава Совета, выработкой программ преподавания, осуществлением одного из своих учено-вспомогательных учреждений, уже открытого и именуемого Психо-Педологическим Институтом, на средства, пожертвованные В.Т. Зиминим, и вообще организацией своей ученой деятельности. Но с тех пор, как в январе месяце текущего года последовало соглашение Совета Психо-Неврологического Института с Советом С.-Петербургской Биологической лаборатории, предоставившей в пользование Психо-Неврологическому Институту на определенных условиях свои помещения, явилась возможность для Психо-Неврологического Института ныне же осуществить одну из своих важнейших задач, сводящихся к функции высшего учебного учреждения.

Отметив эти главные моменты в развитии вновь нарождающегося учреждения, называемого Психо-Неврологическим Институтом, я считаю своим нравственным долгом выразить здесь от лица Совета Института и лично от себя самую теплую благодарность, прежде всего, Русскому Обществу нормальной и патологической психологии, явившемуся истинной матерью нового учреждения, Организационному Комитету, немало потрудившемуся над разработкой и проведением устава Института и взявшему на себя труд первоначальной организации Совета Института, всем жертвователям, оказавшим материальное содействие Институту, особенно семье Алафузовых, Н.Ф. Головину, В.Т. Зимину, М.П. Скоропадскому, А.Н. Шитовой и многим другим лицам, выразившим готовность пожертвовать на Институт более или менее крупные суммы. Далее я считаю для себя приятным долгом выразить от Совета Института чувства благодарности Совету Биологической лаборатории и ее директору, открывшим двери для учебных нужд Психо-Неврологического Института, затем Городскому Управлению г. Петербурга, предоставившему залу для настоящего собрания, которым открываются курсы Института, а также всем вообще лицам, так или иначе содействовавшим Институту как при его первоначальной организации, так и при проведении его устава. Переходя затем к научно-учебным задачам Института, необходимо отметить, что Советом Психо-Неврологического Института от 12 января было постановлено в ближайшее время, т. е. с нынешнего же полугодия, открыть учебные заседания Института, причем предположено первое ученое заседание посвятить памяти Могел'я, великого творца учения о вырождении, чтобы воскресить в настоящее время основные черты его научной деятельности и оценить значение его трудов, так как не далее, как в конце прошедшего года истекло ровно 50 лет со времени выхода в свет его знаменитого трактата о вырождении (*Traité de dégénérescence*); в следующем же ученом заседании предположено представить результаты произведенного мной и Р.Л. Вейнбергом исследования мозга нашего знаменитого химика Менделеева.

Вместе с тем постановлением Совета от 20 января решено с нынешнего 3 февраля открыть торжественным собранием начало курсов, которые отныне систематически поведутся в помещениях Биологической лаборатории.

Этими постановлениями начинается та научная и просветительная деятельность Психо-Неврологического Института, которая обеспечивает ему, согласно его устава, положение ученого учреждения и высшей школы, имеющей свои определенные задачи. Чтобы осветить эти задачи позвольте указать, прежде всего, на то, что за последнее время ясно была признана необходимость самого широкого изучения мозга, этого важнейшего орудия человеческой мысли. Сознание это выли-

лось в определенную формулу вслед затем, как образовалась международная ассоциация научных Академий. Она назначила особую Центральную Комиссию для исследования мозга, которая в январе 1904 г. сделала представление той же международной ассоциации Академий, собравшейся в Лондоне 25 мая 1904 г. Это представление гласило следующее:

«Отдельные, состоящие в ассоциации Академии и Общества, от имени ассоциации должны сделать при соответствующих Правительствах или иных подлежащих инстанциях предложение об основании специальных Институтов или отделений для исследования центральной нервной системы, поскольку таковые не существуют или не могут быть созданы иным путем».

К числу задач таких институтов должно быть отнесено, по мнению упомянутой Комиссии, изучение морфологии, физиологии и патологии центральной нервной системы. Все это, по взгляду Комиссии, обнимает следующие отдельные области:

- а) систематическую анатомию центральной нервной системы человека, включая и антропологию,
- в) сравнительную анатомию мозга,
- г) гистологию мозга,
- д) исследование мозга по методу развития,
- е) физиологию мозга, включая и физиологическую психологию,
- ж) патологическую анатомию, экспериментальную патологию и тератологию мозга,
- з) клиническое исследование поражений мозга.

Комиссия полагает, что вышеуказанные институты должны иметь в виду следующую цель:

- 1) Собрание научного материала в форме препаратов, моделей, фотограмм, рисунков и пр. и доступность этого материала.
- 2) Техническую помощь при научных исследованиях.
- 3) Сохранение ценного вполне, обработанного или еще обрабатываемого экспериментально-физиологического и патологического материала.
- 4) Осуществление больших, превосходящих силы одного лица задач, насколько таковые подходят для совместной работы.

По мнению Комиссии должна быть создана в разных странах целая сеть подобных Институтов, которые должны друг другу взаимно помогать и поддерживать общее дело. При этом Комиссия совершенно определенно высказалась, что по ее мнению тот факт, что «все культурные нации заинтересованы в разрешении обрабатываемых задач, служит оправданием тому, чтобы сделать организацию Институтов международной».

Таким образом, международная ассоциация научных Академий пришла к выводу, что изучение мозга в настоящее время является столь важным, что для этой цели признается необходимым устройство целой сети особых Институтов во всех культурных странах.

И в самом деле нельзя не удивляться тому поразительному факту, что в то время, как культурный человек мнит себя победителем природы и обставляет свое существование разнообразными условиями, созданными замечательной пытливостью его ума, орудие этого ума, т. е. самый мозг до сих пор еще остается мало обследованным даже в архитектурном или такъ наз. морфологическом смысле. Это тем более поразительно, что изучение строения других органов

нашего тела уже давно достигло значительной степени совершенства, тогда как изучение мозга интенсивно началось лишь за последнее время и требуется приложить еще много усилий со стороны человеческого ума, чтобы оно встало в уровень с изучением других органов.

При этом случае у каждого естественно возникает мысль, что все это зависит от необычайной сложности строения мозга. Факт этот, без сомнения, не может быть отрицаем, так как сложность строения мозга по сравнению с другими органами тела должна быть очевидною для всех и каждого. Но тем не менее нельзя не отметить здесь того обстоятельства, что наше недостаточное знакомство с мозгом зависит в значительной мере и от того, что для изучения этого важнейшего из органов тела уделяется мало времени в тех высших школах, которые посвящают себя изучению человеческого организма вообще. Я говорю о медицинских факультетах наших университетов.

При большом перегружении научными дисциплинами, знакомство с которыми при изучении медицины вынуждается самою силою вещей, для ознакомления с мозгом остается вообще мало времени и у анатома, и у гистолога, и у физиолога, и у патолога, благодаря чему изучение этого органа в этих школах оказывается недостаточно полным, по крайней мере по сравнению с тем, как оно должно бы быть поставлено, принимая во внимание необычайную важность того органа, благодаря которому человек так возвышен среди всей окружающей его живой природы.

О других школах, в которых изучению человеческого организма отдается еще менее времени, нежели на медицинских факультетах и говорить нечего.

Приняв все эти данные во внимание, нетрудно выяснить себе, из каких мотивов исходили представители научных Академий всего мира, выделяя особую международную комиссию для исследования мозга, и чем руководились они, остановившись на мысли о создании особых Институтов для исследования мозга в разных культурных странах.

Создаваемый ныне Психо-Неврологический Институт в России, хотя и начал зарождаться независимо от постановления международной ассоциации Академий и даже несколько раньше этого постановления, тем не менее вполне отвечает тем же самым задачам – изучать мозг как в отношении его строения и развития, так и в отношении его функций, благодаря чему наш Институт, удовлетворяя этой потребности, входит, как необходимое звено, в сеть международных Институтов, создаваемых международной ассоциацией научных Академий в разных культурных странах. Таким образом, он естественно должен примкнуть в своих научных стремлениях и задачах по изучению мозга к международной ассоциации Академий.

Но возникает вопрос, может ли признаваться достаточно полным изучение мозга и его функций без самого подробного и самого тщательного изучения психики, которой выражается деятельность мозга, без изучения разнообразных ее проявлений и без подробного ознакомления с условиями проявления человеческой мысли и творчества.

Для пояснения вопроса мы можем спросить себя, будет ли полно наше знакомство, напр., с мышцей, если мы, зная ее строение, не будем знать конечного результата ее отправления, т. е. ее деятельности? Допустим для примера, что мы имеем пред собою гениального мыслителя, который рядом сложных концепций мысли открывает тайны окружающей нас природы; представим себе затем паразитического художника, творения которого развертывают пред нами чудный

мир красок и тонов, оживляющий столь ценные в этическом отношении чувства любви и изящества. Допустим далее, что нам предстоит задача, изучить мозг этого гениального мыслителя и этого замечательного художника для того, чтобы понять особенности их гения.

Можно ли вполне разрешить эту задачу, изучая только один мозг не касаясь вовсе ни самой личности гения и художника, ни их творений, ни тех условий, при которых создавались эти творения? Ведь вся сила ума и вся сила творчества именно и проявилась в данном случае в замечательных продуктах мысли и художественных образах и потому, не обращаясь к изучению особенностей этих продуктов мысли и творчества и не изучив в подробности самую личность и те внешние условия, которые содействовали развитию всех особенностей гения мысли и гения чувства, нельзя рассчитывать и на возможность успешного разрешения задачи, и на достаточную полноту самого исследования.

С другой стороны возьмем совершенно противоположный пример:

Допустим, что мы имеем пред собою тяжелого дегенерата, являющегося отрицательной величиной в общественном смысле, – человека, который по своей недоразвитости, так наз. неуравновешенности и склонности ко всевозможным излишествам, является всегдашним нарушителем общественного спокойствия, тяжким бременем для своей семьи и предметом забот со стороны властей.

Достаточно ли изучить только мозг такого лица, чтобы понять то зло, которое связывается с именем вырождения; не должны ли мы, напротив того, сказать себе, что должно быть произведено самое тщательное изучение психологических особенностей данного лица. Мало того, только тогда наши знания в этой области окажутся достаточно полными, когда мы изучим и выясним все условия и общественные и биологические, которые ведут к вырождению человеческого рода – этому страшному злу, с которым должна быть неотложно организована систематическая борьба как со стороны самого общества, так и государства.

С другой стороны, представим себе человека, обездоленного судьбой, отягченного самыми тяжелыми экономическими и общественными условиями, человека – нищеты и порока, человека, деятельность которого характеризуется антисоциальными поступками и целым рядом преступлений. Можем ли мы понять это состояние, взявшись за изучение только мозга и не обращаясь к подробному изучению особенностей данной личности и к анализу всех условий, которые привели данное лицо на путь преступления?

Вряд ли нужно говорить, что на все поставленные нами вопросы может быть только один ответ, – ответ вполне отрицательный.

Вот почему в задачи Психо-Неврологического Института при его основании положено не только изучение мозга, но и всестороннее изучение психики вообще и в частности разнообразных проявлений деятельности человеческого ума и творчества, а вместе с тем и изучение всех важных в общественном смысле ненормальных болезненных отклонений психической деятельности человека.

В этом отношении Психо-Неврологический Институт заполняет собою существенный пробел знаний в наших высших школах, который для настоящего времени является особенно чувствительным. Возьмем такой основной предмет, как общая психология, имеющая своей задачей изучение психики человека. Несмотря на огромное общеобразовательное значение психологии, как науки, она читается, как обязательный, предмет лишь на историко-филологическом факультете университетов. Но и здесь она не составляет особой кафедры, а входит в предмет ведения кафедры философии. Являясь, таким образом, подчиненной научной

дисциплиной, влачась постоянно на запятках философии, она естественно не может получить того значения и развития в курсе наук, какое ей принадлежит по праву.

Нечего говорить, что тесная связь психологии с философией в одной кафедре не дает благоприятных условий для широкого развития экспериментального метода исследования, получающего столь важное значение в современной психологии.

Еще хуже стоит дело с психологией на медицинских факультетах, где имеются кафедры душевных болезней, изучение которых должно естественно опираться на психологию, как науку о нормальной психической жизни, и тем не менее на них нет вовсе кафедры психологии.

Вышеуказанный пробел в изучении психологии в наших высших школах столь ощутителен, что за последнее время молодежь уже сама стала возбуждать вопрос о необходимости введения психологии, как самостоятельной кафедры, в курс высшего образования, как это выразилось, между прочим, недавним заявлением студентов С.-Петербургского Университета.

Нельзя при этом не отметить того интереса и того значения, которые должны иметь и другие отрасли психологии, особенно индивидуальная и общественная психология, иначе говоря, психология отдельных личностей и народных масс, а также сравнительная психология народов, которая стала выдвигаться за последнее время, как особая научная дисциплина.

Всякий понимает, какое значение могут приобрести эти науки, когда с помощью их удастся улавливать народный пульс, когда они будут освещать психологическую сторону общественных событий и дадут возможность предвидеть исход народных движений. Пока это без сомнения еще вопросы будущего, но подходить к их разрешению возможно только путем научного исследования, которым и занимается общественная психология и сравнительная психология народов.

Руководясь этими данными, Психо-Неврологический Институт и имеет в виду дать всем желающим широкое психологическое образование, при чем из общего курса, на котором сосредоточен, главным образом, ряд биологических, неврологических, исторических и общественных наук в программу Психо-Неврологического Института входит еще особая психологическая секция с целым рядом научных дисциплин, составляющих разветвление психологии и философии, как индивидуальная, общественная и национальная психология, философские науки, общее языкознание (психология языка), сравнительное языкознание, методология наук, физиология и патология речи, общая психопатология и пр., и пр.

Не менее ощутителен пробел в нашем высшем образовании и по отношению ко многим другим дисциплинам, стоящим в тесной связи с общей психологией и имеющим во всяком случае огромное научно-практическое значение.

Я укажу здесь на такие науки, как детская психология, педагогическая психология, умственная гигиена, криминальная антропология, учение о гипнозе и внушении, учение о вырождении и, наконец, клиническое изучение душевных и нервных болезней.

Кто может сомневаться в том, что возраст первого детства есть именно тот возраст, в котором впервые формируются первоначальные устои будущей личности и впервые начинают обрисовываться особенности ее нервно-психической организации. Масса позднейших наслоений, приобретаемых воспитанием и жизнью, конечно, имеют свое особое значение для сформирования будущей личности, но

первоначальные ее черты и повидимому наиболее прочные уже намечаются в возрасте первого детства.

Можно ли далее сомневаться в том, что необычайная нежность и восприимчивость этого возраста дает почву для развития различного рода уклонений в деятельности нервно-психической сферы, уклонений, приводящих к тяжелым и печальным последствиям для психического здоровья будущей личности.

А между тем всем известно, что нервно-психическая деятельность в этом возрасте остается еще далеко неизученною. Хотя мы и можем здесь привести имена многих научных деятелей, давших труды в этой области, между ними Sigismund'a, Preyer'a, Darwin'a, Kussmaul'я, Bardvin'a, Сикорского и многих других, но все же мы еще очень и очень далеки от того, чтобы признавать наши знания о детской психике в какой либо мере удовлетворительными и полными.

Нельзя при этом не отметить, что, не смотря на развившийся за последнее время интерес к изучению детской психики, применявшиеся здесь методы исследования еще не могут быть признаны безупречными, особенно если принять во внимание, что вместо того, чтобы к изучению детской психики подходить исключительно объективным путем исследователи для оценки психической жизни ребенка пользовались большей частью субъективной оценкой, иначе говоря, проявления детской психики оценивали с точки зрения своих собственных переживаний, в чем нельзя не видеть коренной ошибки всех такого рода исследований.

Что касается воспитания в возрасте первого детства, то с ним дело обстоит ничуть не лучше, а вернее еще хуже. Как известно, возраст этот находится даже в интеллигентном классе общества на руках невежественных нянь и бонн или незнакомых с делом воспитания матерей, которые, хотя и желают помочь правильному умственному развитию своих детей, но не знают, как этому помочь, по отсутствию соответствующих научных данных. Да и многие представители педагогики еще до сих пор признают, что последняя не имеет своего применения к возрасту первого детства, когда ребенку будто бы нужен только врач-педиатр.

Но можно ли с этим согласиться? Опять-таки, мы должны сказать решительно «нет!».

По крайней мере существуют все основания полагать, что мы имеем здесь одно из самых грубых заблуждений, приводящих к печальным и тяжким последствиям.

Можно ли сомневаться в том, что самый нежный возраст требует и самого деликатного обращения с собой и не только в физическом, но и в нравственном или психическом отношении. Разве мы не видим на каждом шагу, что уже в раннем возрасте детьми усваиваются дурные черты характера и недопустимые привычки, с которыми приходится бороться систематически в более позднем возрасте?

Равным образом возможны и болезненные уклонения нервно-психической сферы, коренящиеся в ненормально тяжелых условиях, в которых протекло раннее детство.

Психиатрам приходится постоянно сталкиваться с случаями душевных расстройств того или иного рода, где нет никаких неблагоприятных условий со стороны наследственности, где плодоношение протекло правильно и в то же время не было никаких особых внешних моментов в позднейшем возрасте для развития психоза, и тем не менее последний рано или поздно наступает, при чем можно проследить в таких случаях черты индивидуального расположения к неустойчивости нервно-психической сферы еще с детского возраста.

Такие случаи не могут не доказывать, что недостаточно заботливое отношение к возрасту первого детства является причиной последующего развития тяжелых уклонений в психическом развитии личности и даже причиной развития душевных заболеваний.

Во всяком случае недопустимо, чтобы первый шаг в жизни человека не был предметом самых тщательных воспитательных забот, хотя бы во внимании к тому, что первый шаг везде признается наиболее важным, определяющим в известной мере и все последующее направление деятельности человека.

Вот почему Психо-Неврологический Институт и кладет в программу своей деятельности изучение психики ребенка и, благодаря упомянутому ранее пожертвованию В.Т. Зимина, при нем уже основан особый Психо-Педологический Институт с интернатом маленьких питомцев, в котором производится самое тщательное объективное изучение ребенка от дня рождения, как в физическом отношении, так и в психическом; причем одновременно применяются и воспитательные меры, дающие возможность предотвращать в самом зародыше те или другие уклонения психической сферы, напр. склонность к аффектам и др.

Возьмем другой важный в практическом отношении отдел психологии – педагогическую психологию. Кто не знает, что наше школьное обучение до сих пор ведется чисто эмпирически, при чем нормы этого обучения в смысле способа преподавания, применения наглядных пособий, распределения уроков, их продолжительности, их последовательности и смены, продолжительности промежуточных отдыхов, значения физических упражнений для обучения и пр., и пр., устанавливаются в наших школах по особым большей частью теоретическим, а иногда и по чисто внешним основаниям.

А между тем вопросы, связанные с разрешением задачи, как лучше использовать юношеский возраст для образования, в настоящее время могут быть разрешены при посредстве точного эксперимента в лабораториях и в самих школах, причем современная педагогическая психология уже дает ответы на многие из вопросов, связанных с образовательными целями; в будущем же можно ожидать от нее еще более полного освещения различных вопросов, связанных со школьным образованием, благодаря чему явится возможность поставить последнее на строго научную почву и устранить из этой области постоянное и часто пагубное для юношества пренебрежение научными истинами.

Далее нельзя не обратить внимание на особое значение умственной гигиены, этой новой отрасли знания, обещающей развиться в стройную научную дисциплину. Не странно ли, что современный человек культуры до сих пор так мало уделял внимания на то, как лучше оберечь свой мозг и свои умственные способности, особенно в период их развития, от всевозможных вредных воздействий, которые так или иначе нарушают правильное развитие психической сферы и поддержание умственных сил на должном уровне.

Ведь, вопросы, связанные с охраной умственного здоровья и с предотвращением преждевременного умственного одряхления для интеллигентного человека должны быть не менее важны, чем вопросы физического здоровья.

Для нас русских эти вопросы особенно важны, так как имеются данные, говорящие за то, что умственное одряхление в преклонном возрасте у интеллигентных русских, по-видимому, начинается ранее, нежели у западно-европейских интеллигентов.

Само собою разумеется, что умственная гигиена далеко еще не достигла такого уровня развития, чтобы разрешать все практические вопросы, касающиеся охраны умственного здоровья.

Даже столь простой вопрос, как вопрос о том, сколько человеку нужно уделять времени на сон, требует еще научной разработки. Недавно с этим вопросом мы практически столкнулись, когда потребовалось выяснить этот вопрос для школ, имеющих интернаты воспитанников, и оказалось, что строгого научного определения времени сна для юношеского возраста не существует.

Ясно отсюда, что в области умственной гигиены нужно еще много поработать, нужно поставить целый ряд экспериментально-психологических исследований, дабы оказать существенные услуги в деле охраны психического здоровья населения. Но тем не менее эта наука, в которой пока намечаются еще первые шаги, представляет собою науку первостепенной важности для современного культурного человека, вследствие чего Психо-Неврологический Институт и признал необходимым иметь ее в числе наук, входящих, как обязательный предмет в курсы Психо-Неврологического Института.

В виду же важного значения для педагогов всех вышеуказанных наук и целого ряда других знаний, как напр. Анатомические и физиологические особенности развивающегося организма, история школы, история педагогических учений, физиология и патология речи, врачебная педагогика умственно-отсталых и нервно-больных детей и т.п., не говоря уже о собственно философских науках, Психо-Неврологический Институт и нашел необходимым выделить особую секцию под названием педагогической.

Далее важное общественное значение имеют вопросы, входящие в область, т. наз., криминальной антропологии и психологии преступности.

Практическая их важность должна быть ясна для всякого, тем более, что правильное их разрешение связано с выяснением разумных мер борьбы с преступностью. В этом отношении особенно чувствовался недостаток в нашем высшем образовании, так как, несмотря на особое значение криминальной антропологии, как науки, для которой уже неоднократно устраивались международные съезды, до сих пор негде было с ней знакомиться заинтересованным лицам.

Как-бы ни смотреть на Lombroso'вское учение, в настоящее время почти отвергнутое, но нельзя отрицать того, что учение это положило начало постоянно развивающейся науке под именем криминальной антропологии, при чем научные изыскания в этой области стремятся выяснить корни антисоциальных отношений между людьми и сообразно с этим указать рациональные меры борьбы с ними.

Для нас, русских, эти вопросы обладают жгучим интересом современности, так как способы борьбы с преступностью, достигшей в стране наивысшего предела, все еще сводятся к тому, чтобы мерами крайней репрессии возбудить «спасительный страх» в преступном человеке, забывая, что человек, совершающий преступление, всегда и везде надеется избежать преследования и наказания, а потому и не устрашается вперед никакими казнями, возбуждающими лишь озлобление в известной части населения. Рассматриваемый вопрос представляется однако чрезвычайно широким и разрешение его находится в тесной связи с условиями общественной жизни вообще, вследствие чего Психо-Неврологический Институт организовал особую специальную криминологическую секцию, в которую входит кроме изучения самой преступности и целый ряд социально-юридических наук, как уголовная социология, уголовное право, сравнительная история права,

история экономических учений в связи с историей хозяйственного быта, судебная медицина, судебная, общая и патологическая психология и учение о гипнозе и внушении.

В рассматриваемой области, однако, нельзя ограничиваться одними курсами, особенно в условиях нашей современности. Нужно еще изучать самое явление в его реальном бытии, как оно проявляется в жизни, в нашей действительности, нужно изучать коренные условия, порождающие антисоциальные действия отдельных лиц и целых масс, дабы бороться с этим недугом нашего времени коренными мерами, устраняющими основную причину недуга, а не одними только паллиативами, хотя бы и сильными. В этих видах я внес предложение в Совет Психо-Неврологического Института об учреждении при Институте особого учреждения под названием Криминологического Института по типу подобного же Института, устроенного в Аргентине, задачей которого было бы собирание сведений о преступности в стране, всестороннее изучение условий развития преступности в населении, изучение психологии преступлений вообще и психологии преступника в частности и изучение более рациональных мер борьбы с преступностью. Предложение это, сочувственно принятое Советом Психо-Неврологического Института, находится в настоящее время на рассмотрении особой комиссии, которая и представит затем проект такого Института на рассмотрение Совета Психо-Неврологического Института.

Далее за последнее время выдвинулась наука, известная под названием гипнологии или учения о внушении и гипнозе, входящая также в курс наук Психо-Неврологического Института. Важное значение учения о внушении в объяснении многих общественных событий, массовых движений и весьма многих явлений в индивидуальной жизни каждого лица неоспоримо (2). Вместе с этим учение о внушении и гипнозе приобрело важное значение в практическом отношении, как особый прием психического воздействия при многих нервных состояниях, а также при укоренившихся вредных привычках, при злоупотреблении алкоголем и другими наркотическими веществами.

Не меньшее значение внушение приобретает при различных патологических отклонениях, развивающихся на почве вырождения, напр., при kleptomанических проявлениях, половых извращениях и др. Даже в воспитательных целях внушение в известных случаях может оказывать существенную помощь.

В виду этой важности учения о гипнозе и внушении первый гипнологический международный конгресс, собравшийся еще в 1899 г., постановил почти единогласно, что в медицинских университетах Европы должны быть организованы специальные курсы по гипнозу и внушению. Всякий знает, однако, что это желание осталось для наших университетов платоническим и до сих пор еще нет специальной кафедры в наших медицинских факультетах, которая давала бы возможность знакомить будущих врачей с этой важной отраслью знания. Таким образом, для лиц, желающих ознакомиться с этим предметом не по книгам только и не понаслышке, а ознакомиться научно и практически и, если можно так выразиться, пройти школу гипноза, до сих пор не имелось соответствующих условий в наших высших учебных заведениях. Таким образом, и в этом отношении Психо - Неврологический Институт идет навстречу назревшей потребности и с нынешнего года открывает особую поликлинику для лечения внушением алкоголиков и других больных, давая всем интересующимся этой областью лицам возможность всестороннего научного и практического изучения гипноза и внушения.

Далее заслуживает особого внимания учение о вырождении в связи с вопросом о наследственности, составляющее предмет особой кафедры Психо-Неврологического Института. Нетрудно представить себе, какое должно быть громадное значение этой научной дисциплины, когда перед глазами слушателей раскроются все те условия, которые приводят к вырождению обездоленного населения, и когда перед ними пройдут мрачные картины дефективной организации, приводящей к упадку интеллекта и ослаблению физического здоровья. Если более широкое знакомство с этим учением даст возможность ближе подойти к выяснению вопроса о мерах борьбы с нарастающим вырождением населения, с этим главным врагом нашей культуры, то уже в этом нельзя не видеть особой пользы, которой можно ожидать от введения этой дисциплины в курс наук Психо-Неврологического Института.

Наряду с только что упомянутыми науками, целый ряд научных дисциплин, входящих в круг ведения Психо-Неврологического Института, посвящается изучению нервных и душевных болезней. Этот круг наук выделяется в особую, т. наз., медицинскую, или, психиатрическую секцию, которая представит собою курсы усовершенствования для врачей и других лиц, желающих ближе ознакомиться с душевными и нервными болезнями.

При этом нельзя не принять во внимание, что между всеми болезненными расстройствами, поражающими человека, душевные болезни занимают совершенно особое положение, так как они суть болезни личности в истинном смысле этого слова, при чем постоянно усиливающееся распространение их угрожает человечеству разрушением самых основ его цивилизации.

Всякому должно быть понятно, что душевно-больной оказывается больным особого рода, требующим опеки над своим имуществом, являющимся обычным нарушителем общественного порядка и спокойствия и совершающим нередко преступление, не будучи в то же время преступником. С другой стороны, душевно-больной с биологической точки зрения является причиной развития вырождения в потомстве, требуя, таким образом, ограждения населения от брачных связей с ним.

Наконец, с экономической точки зрения душевно-больной в условиях домашней жизни не только является нетрудоспособным, но и обременяет семью постоянным за ним уходом и присмотром.

Вследствие всех только что перечисленных условий, все цивилизованные страны стремятся обеспечить возможно большему числу душевно-больных специальное содержание и лечение в больницах, колониях и патронажах.

В какой мере это достигается в культурных странах Западной Европы можно сослаться на пример Англии, где пользуются теми или другими видами призрения всего 93%, а в Шотландии число призреваемых душевно-больных достигает даже цифры 99%.

Попробуем сравнить с этим счастливым положением условия нашей страны. Общего исчисления душевно-больных во всей России мы еще не имеем, но для некоторых губерний, напр., Московской, Нижегородской и Петербургской, как известно, производился поголовный осмотр населения врачами и студентами-медиками, который дал в общем цифру приблизительно 1-го душевно-больного на 400-450 здоровых жителей.

Эта цифра к счастью много меньше, нежели для западно-европейских стран, для которых она колеблется приблизительно в пропорции 1 душевно-больной на 250-350 здоровых жителей.

Если мы вышеуказанную цифру в применении для всей России еще несколько уменьшим, предполагая, что наши восточные окраины, как менее культурные, должны иметь меньшее число душевно-больных, то и в таком случае мы будем иметь для России колоссальное число душевно-больных, которое для населения всей Империи должно исчисляться приблизительно в 300.000.

Спрашивается теперь, какое же число душевно-больных находится у нас на призрении. В этом отношении оказывается, что все наши заведения, включая земские, городские, правительственные и частные, могут вмещать в общей сложности около 25.000 душевно-больных (3), след., в общей сложности, немного более 8% общего числа душевно-больных. Итак, свыше 275 тысяч душевно-больных или около того не находят для себя соответственного помещения в специальных заведениях, оставаясь в населении среди здоровых.

Эта огромная цифра нам говорит о том, как может отражаться на положении страны в смысле социальном и экономическом указанное число душевно-больных, свободно пребывающее в ней, и какие усилия должны быть употреблены на то, чтобы сравняться в этом отношении с странами западной Европы или по крайней мере приблизиться к ним в той или другой мере.

Вместе с этим вы представляете, что душевные болезни при таком положении дела находятся у нас ничуть не на попечении одних только врачей-специалистов, т. е. психиатров. На руках последних, в сущности, находится лишь та часть душевно-больных, которая помещается в специальных заведениях. Вся же огромная масса душевно-больных, находящаяся в населении приблизительно в 275 с лишком тысяч состоит большею частью на попечении всех вообще врачей, имеющих дело с больным населением страны.

Отсюда понятно, что у врачей вообще должно быть особое побуждение ближе знакомиться с этими тяжелыми недугами, поражающими личность человека. Но спрашивается, где у нас могли бы пополнять свои знания гражданские врачи как в отношении душевных болезней, так и в отношении других болезненных проявлений человеческой личности, напр. алкоголизма, наркомании и т.п. Я подчеркиваю здесь слово «гражданские» врачи, так как военные врачи имеют для этого богато обставленную клинику при Военно-медицинской Академии и находятся в этом отношении в значительно более благоприятных условиях.

Обстоятельства сложились так, что, хотя для более подробного ознакомления с другими болезненными расстройствами имеются для врачей прекрасные учреждения, как Институт Елены Павловны в Петербурге и др., но для более обстоятельного ознакомления гражданских врачей с душевными болезнями не имеется особого учреждения, где бы читались соответственные курсы для усовершенствования. Дело дошло до того, что ныне гражданские врачи, не находя возможности осуществить свои научные стремления в указанном отношении у нас в России, едут на свой счет за границу, главным образом в Мюнхен, где ежегодно читаются такие курсы несколькими профессорами.

Таким образом, Психо-Неврологический Институт, создавая особую психиатрическую секцию с курсами усовершенствования для врачей, и в этом отношении идет навстречу давно назревшей потребности.

Независимо от того, задаваясь целью в той или другой мере ослабить тягостное положение душевно-больных, от которых не могут пока освободить население ни усилия наших земств и городов, ни правительство, ограничившее свою заботу о душевно-больных лишь несколькими окружными лечебницами, Психо-Неврологический Институт согласно своему уставу организует в настоя-

щее время особое Попечительство о душевно- и нервно-больных и алкоголиках для всей России, надеясь таким образом путем привлечения частной благотворительности, с одной стороны, облегчить в меру возможности страдания самих душевно-больных, лишенных правильного содержания и лечения, часто истязуемых и находящихся в ужасных условиях, содержащихся иногда на цепи в темных и сырых помещениях нашей убогой деревни, с другой стороны, облегчить и само население, обездоленное нуждою и голодом от непосильных забот о здоровье своих душевно-больных сочленов.

Я не нахожу возможным останавливаться здесь на многих других научных дисциплинах, входящих в курс наук Психо-Неврологического Института, чтобы высказать пред вами их значение, но чтобы ближе ознакомить вас с организацией нового высшего учебного заведения, считаю необходимым указать здесь на то, что Совет Института предположил распределить все науки Психо-Неврологического Института в один общий основной двухлетний курс и в однолетние специальные курсы, прохождение которых для лиц, прошедших двухлетний курс, достигается в течение третьего года.

Эти специальные курсы представлены четырьмя отдельными секциями: психологической, педагогической, криминологической и психиатрической. Для лиц, желающих ограничиться специальным курсом Психо-Неврологического Института, возможно поступление и прямо на одну из специальных его секций, т. е. либо на психологическую, либо на педагогическую, либо на криминологическую, либо на психиатрическую секцию. Кроме того, для желающих предположено организовать специально-научные занятия и в течение четвертого года.

Что касается программы общего курса в течение двух первых лет, то она состоит для первого года из следующих наук:

1) Общего курса анатомии с гистологией, 2) Общего курса физиологии, 3) Химии, 4) Физики, 5) Общей биологии с учением о наследственности, 6) Общей психологии, 7) Сравнительной психологии, 8) Введения в философию, 9) Логики, 10) Основных моментов русской и общей истории, 11) Истории литературы и 12) Общей социологии.

В течение второго года общий курс состоит из: 1) Анатомии нервной системы, 2) Физиологии нервной системы, 3) Гистологии нервной системы, 4) Психофизиологии органов чувств, 5) Антропологии, 6) Экспериментальной психологии, 7) Истории культуры и религии, 8) Истории искусств, 9) Политической экономии, 10) Общей теории права, 11) Общей теории государства.

В специальной Психологической секции будут читаться следующие науки:

1) Индивидуальная психология, 2) Общественная психология, 3) Психология народов, 4) Общее языкознание (психология языка), 5) Сравнительное языкознание, 6) Методология наук, 7) Гносеология, 8) Этика, 9) Эстетика, 10) История философии, 11) Физиология и патология речи, 12) Умственная гигиена, 13) Уголовная антропология с психологией преступности, 14) Общая психопатология, 15) Патологическая психология, 16) Учение о внушении и гипнозе.

В специальной Педагогической секции имеются в виду следующие науки:

Анатомические и физиологические особенности развивающегося организма, 2) Психология детского возраста, 3) Педагогическая психология, 4) История педагогических учений и современная педагогика, 5) История школы, 6) Гносеология, 7) Этика, 8) Эстетика, 9) История философии, 10) Физиология и патология речи, 11) Врачебная педагогика умственно-отсталых и нервно-больных детей, 12) Воспитание глухонемых и слепых детей, 13) Умственная гигиена, 14) Школьная

гигиена, 15) Общая психопатология, 16) Патологическая психология, 17) Учение о внушении и гипнозе.

Специальная Криминологическая секция имеет следующие науки: 1) История преступности, 2) Уголовная социология, 3) Учение о мерах борьбы с преступностью, 4) Уголовное право, 5) Учение о доказательствах в уголовном суде, 6) История юридико-политических учений, 7) Сравнительная история права, 8) История экономических учений в связи с историей хозяйственного быта, 9) Судебная медицина, 10) Уголовная антропология с психологией преступления, 11) Судебная психиатрия, 12) Общая психопатология, 13) Патологическая психология, 14) Учение о внушении и гипнозе.

Наконец, специальная Психиатрическая секция содержит в себе следующие науки: 1) Проводящие пути центральной нервной системы, 2) Специальная физиология нервной системы, 3) Химия нервной системы в связи с учением об обмене веществ, 4) Патологическая анатомия нервной системы, 5) Диагностика нервных болезней, 6) Клиническая невропатология, 7) Клиническая психиатрия, 8) Физические методы лечения нервных и

душевных болезней, 9) Хирургия нервной системы, 10) Бактериология в применении к нервным и душевным болезням, 11) Физиология и патология речи, 12) Врачебная педагогика умственно-отсталых и нервно-больных детей, 13) Воспитание глухонемых и слепых детей, 14) Умственная гигиена, 15) Школьная гигиена, 16) Уголовная антропология с психологией преступления, 17) Судебная психопатология, 18) Общая психология, 19) Экспериментальная психология, 20) Общая психопатология, 21) Патологическая психология, 22) Учение о внушении и гипнозе, 23) Лечебное применение гипноза.

Из этого перечня наук, входящих в состав Психио-Неврологического Института, нетрудно видеть, что это учреждение ставит своей целью изучать и передать своим слушателям всестороннее изучение того органа и той деятельности, которые выделяют человека среди окружающей его живой природы, и которые делают, если можно так выразиться, человека человеком в истинном смысле этого слова.

Как это ни печально, но следует отметить парадоксальный факт, что в нашем высшем образовании сам человек остается как бы забытым.

Все наши высшие школы преследуют большей частью утилитарные или профессиональные задачи. Они готовят юристов, математиков, естественников, врачей, архитекторов, техников, путейцев и т.п. Но при этом упущено из виду, что впереди всего этого должен быть поставлен сам человек; и что для государства и общества кроме профессиональных деятелей нужны еще лица, которые понимали бы, что такое человек, как и по каким законам развивается его психика, как ее оберегать от ненормальных отклонений в этом развитии, как лучше использовать школьный возраст человека для его образования, как лучше направить его воспитание, как следует ограждать сложившуюся личность от упадка интеллекта и нравственности, какими мерами следует предупреждать вырождение населения, какими общественными установлениями надлежит поддерживать самостоятельность личности, устраняя развитие пагубной в общественном смысле пассивности, какими способами государство должно оберегать и гарантировать права личности, в чем должны заключаться разумные меры борьбы с преступностью в населении, какое значение имеют идеалы в обществе, как и по каким законам развивается массовое движение умов и т. п.

Все это вопросы капитальной важности для современного человечества, значения которых не может быть переоцениваемо. Можно без преувеличения сказать, что в плоскости вышеуказанных вопросов наше общество до сего времени двигалось в большинстве случаев лишь ощупью, отыскивая пути для их разрешения тяжелой борьбой и неся при этом массу жертв. Заполнить этот важный пробел в нашем высшем образовании и составляет ближайшую цель Психио-Неврологического Института. В этом отношении, вспоминая известные слова великого философа древности: «человек, познай самого себя» можно было бы сказать, что нарождающееся учреждение имеет своей задачей «познать человека».

«Познать человека!» какой это высокий девиз, скажем мы, – девиз который может наполнить сердца любовью там, где стыла кровь в жилах, может оживить человеческую мысль и пробудить надежду там, где она гложла, может зажечь священный огонь в груди и увлечь на подвиги там, где была одна пассивность и равнодушие.

Познать человека в его высших проявлениях ума, чувства и воли, в его идеалах истины, добра и красоты для того, чтобы отделить вечное от бренного, доброе от дурного, изящное от грубого; познать дитя в его первых проявлениях привязанности к матери, к семье, чтобы дать ему все, чего жаждет его младенческая душа; познать юношу в его стремлениях к свету и правде, чтобы помочь ему в создании нравственных идеалов; познать сердце человека в его порывах любви, чтобы направить эту любовь на все человечество; познать обездоленного бедняка, толкаемого судьбою на путь преступления, чтобы предотвратить последнее путем проповеди улучшения его быта и перевоспитания; познать и изучить душевно-больного, чтобы облегчить его страдания и, где можно, излечить, не значить ли это разрешить больные и самые жгучие вопросы нашей общественной жизни.

Если вновь нарождающемуся Психио-Неврологическому Институту удастся привлечь внимание молодежи и общества к этим вопросам, если он окрылит надежду у падающих духом, если он поможет правильно разбираться в вопросах нашей общественной жизни, тесно связанных с познанием человека, то можно с уверенностью сказать, что Психио-Неврологический Институт помянут добром грядущие поколения, которые, достигнув известного прогресса в познании человека, будут, вероятно, не менее нас озабочены вопросами о человеческом бытии, но которые, надо надеяться, будут много счастливее нас в борьбе за общее благо человеческой личности.

Но познать человека, признать в нем личность, возвышающуюся над другими существами в виде бессловесных тварей, признать в нем стремление к высшему идеалу, к прогрессу и знанию – это значит его полюбить, это значит его уважать.

Таким образом, на знамени Психио-Неврологического Института должен быть начертан девиз не просто только познать человека, но и любить в нем все человеческое и уважать в нем права человеческой личности. И пусть этот девиз познания, любви и уважения личности в человеке взрастит в юных сердцах любовь к знанию о человеке, как человеке, и воспитает в них те социальные чувства и те идеалы, которые будут вечно светить над человечеством, и пусть эти чувства и эти идеалы будут служить для них верными руководителями не только в светлые периоды подъема общественных сил, но и в мрачные эпохи народных испытаний и грозного шатания мыслей.

Авторская ссылка В.М. Бехтерева:

1. В. Бехтерев. Об устройстве Психо-Неврологического Института в С.-Петербурге. Доклад 13 апр. 1904 г. См. также мой доклад на 1 съезде по педагогической психологии за 1906 г. Об учреждении психологического союза для организации периодических психологических съездов и об устройстве особого Психо-Неврологического Института

2. См. В. Бехтерев. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908.

3. По данным д-ра Игнатьева (Исследование о душевно-больных по отчетам русских психиатрических отделений, СПб. 1902 г.) в 1897 г. число всех штатных мест во всех русских психиатрических заведениях достигало 15598. С тех пор оно должно было, конечно, несколько увеличиться, но это увеличение во всяком случае не должно быть значительным. Что же касается числа призываемых в заведениях душевно-больных в России, то об этом дает понятие цифра оставшихся в больницах душевно-больных к началу 1898 года, которая равнялась в общей сложности 22500 (см. Игнатьев, стр. 22), при чем следует, впрочем, оговориться, что в эту цифру не вошло несколько заведений для душевно-больных; кроме того, неприняты здесь во внимание и душевно-больные, находящиеся в богадельнях, в неспециальных больницах и на семейном призрении у частных лиц».